

Два политических письма Екатерины II.

Екатерина II писала много, легко и охотно,—но въ то время, когда слагались ея политическіе взгляды, пассивное положеніе ея, какъ наслѣдницы престола и затѣмъ супруги Петра III, исключало законную возможность веденія какой бы то ни было политики и явной политической переписки. Если она тѣмъ не менѣе пыталась проводить свои государственные планы, то во всякомъ случаѣ она рѣдко рисковала говорить о нихъ въ письмахъ. На страницахъ „Русской Старины“ (ноябрь—декабрь 1910 г.) оцѣнено было надлежащимъ образомъ историческое значеніе недавно появившейся переписки Великой Княгини съ Чарльзомъ Вилліамсомъ (1756—7 г.). Задолго до появленія статьи С. Горяинова обнародованы въ VII томѣ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества „Бумаги Императрицы Екатерины II“; Германъ отыскалъ въ Дрезденскомъ главномъ государственномъ архивѣ и издалъ въ *Preussische Jahrbücher*, т. XLVII, нѣсколько интересныхъ записокъ Великой Княгини, относящихся къ 1757 г. Щепкинъ въ „Русско-Австрійскомъ союзѣ во время семилѣтней войны. 1746—58“, приводитъ извлеченіе изъ одного письма Екатерины къ Стан. Авг. Понятовскому (августъ 1759 г.) и нѣсколько писемъ ея къ датскому посланнику Остену. Этотъ отрывокъ письма къ Понятовскому является почти единственнымъ слѣдомъ ихъ переписки, объ оживленности которой можно судить по донесенію посредника, датскаго же резидента Куура отъ 7/18 октября 1759 г.: „Le numéro 50 faisant réponse au numéro 44 et 45 du correspondant de Pétersbourg

(въ теченіе одного года) a passé par avant—hier“ (Копенгагенскій Riksarkivet).

Въ виду сравнительной скудости источниковъ, раскрывающихъ намъ процессъ развитія политическихъ взглядовъ Императрицы до переворота 28 іюня 1762 г., намъ кажется небезполезнымъ перепечатать ниже записку Екатерины, отправленную къ канцлеру А. П. Бестужеву въ февралѣ 1756 г. и впервые напечатанную въ приложеніяхъ къ первому тому нашего труда о „Польшѣ въ эпоху семилѣтней войны¹⁾“ вмѣстѣ съ отвѣтомъ адрессата, а также напечатать въ первый разъ характерное письмо Императрицы къ Остену, писанное наканунѣ низверженія Петра III.

Первый изъ этихъ документовъ нуждается въ краткомъ предисловіи. Извѣстное дѣло о расхищеніи группой польскихъ магнатовъ острожской Ординаціи послужило поводомъ къ разрыву между королемъ Августомъ III и его любимцемъ-министромъ Брюлемъ съ одной стороны, и „фамиліей“ Чарторыйскихъ съ другой. „Фамилія“ долго не могла примириться съ своимъ опальнымъ положеніемъ и надѣялась съ помощью русскаго и англійскаго дворовъ занять обратно первенствующее при дворѣ Августа мѣсто. Представители этихъ дворовъ Гроссъ и Вилліамсъ поддерживали расчеты честолюбивыхъ князей. Зимой и весной 1755 г. оба дипломата нѣсколько разъ пытались убѣдить саксонскаго премьеръ-министра, что онъ напрасно разошелся съ единственными надежными друзьями веттинской династіи, Россіи и Англій; 20 марта послѣдовала въ Дрезденѣ довольно бурная сцена, сущность которой сводилась къ утвержденію Гросса, что Императрица Елисавета Петровна не можетъ равнодушно смотрѣть на угнетеніе въ Польшѣ ея сторонниковъ—и къ утвержденію Брюля, что „le Roi ne pleura pas devant eux“.

Историки, описавшіе подробно это столкновение, Соловьевъ и Щебальскій, повидимому, не знали или не желали распространяться о странной развязкѣ спора: Бестужевъ, подкупленный саксонскимъ правительствомъ, минуя коллегію иностранныхъ дѣлъ, увѣдомилъ Брюля черезъ его резидента Функа, что Императрица считаетъ острожское дѣло домашнимъ польскимъ вопросомъ и не намѣрена диктовать королю законовъ. Имѣя въ рукахъ такое сообщеніе, премьеръ-министръ могъ преспокойно выслушать слѣдующую атаку Гросса и Вилліамса (въ концѣ апрѣля) и заставить обоихъ замол-

¹⁾ Polska w dobie Wojni Siedmioletniej, crisi I, 1755—1758... Monografie w zakresie drijes nowozytnyche wydawca Szymon Askenasy, tom VII—VIII, Warszawa, 1909.

чать, давая имъ понять, что по послѣднимъ извѣстіямъ Императрица отлично можетъ смотрѣть равнодушно на все, что творится въ Польшѣ по поводу ординаціи.

Чарторыйскимъ пришлось просить извиненія у Августа III и заключить съ Брюлемъ временный компромиссъ. Они возложили новыя надежды на назначеннаго къ русскому двору Вилліамса и его товарища, Станислава Понятовскаго, но обманулись во второй разъ, ибо едва англичанинъ прибылъ въ Петербургъ, Бестужевъ объявилъ ему, что будетъ въ томъ только случаѣ поддерживать „негоціацію“ о субсидномъ договорѣ съ Англіей, если Вилліамсъ обяжется не хлопотать о польскихъ дѣлахъ. Посланникъ обязался и внѣшнимъ образомъ сдержалъ свое слово. Тутъ, видя, что на покровительство Бестужева невозможно полагаться, союзникъ Чарторыйскихъ въ острожскомъ дѣлѣ, коронный канцлеръ Малаховскій при посредствѣ резидента Вричевскаго вошелъ въ сношеніе съ враждебною Бестужеву партіей придворныхъ „фаворитовъ“, т. е. съ Шуваловыми, вице-канцлеромъ Воронцовымъ, оберъ-церемоній-мейстеромъ Олсуфьевымъ, гофъ-маршаломъ М. П. Бестужевымъ и проч. Фавориты стали напрягать всѣ свои усилія къ тому, чтобы выжить Алексѣя Петровича изъ министерства, Функа изъ Петербурга, а Гросса изъ Варшавы. Въ этотъ моментъ, въ февралѣ мѣсяцѣ 1756 г. вмѣшивается въ интригу двадцати-шестилѣтняя Великая Княгиня и подъ видомъ искренней дружбы шлетъ старику канцлеру слѣдующее предостереженіе:

„N'ayant pas pû m'expliquer suffisamment hier à V. E., je prends le parti de Lui écrire aujourd'hui; j'ai crû de la dernière importance de vous avertir, qu'il m'est revenu de part sûre qu'un projet était formé, et prêt à s'exécuter d'agir vigoureusement dans les affaires de Pologne contre le comte de Brühl: on veut envoyer en Pologne le comte, votre frère, comme ambassadeur, avec ordre de foudroyer ceux qui sont près à y détruire le parti russe; vos ennemis vont jusqu'à vous imputer de négliger les intérêts de la Russie dans un royaume aussi voisin et où il nous est si important de conserver notre parti. Votre Exc. s'opposerait vainement à ce projet, ils vous menacent, il y a du danger pour vous, si vous, agissez même froidement. Mon amitié pour V. E. en est allarmée, il ne s'agit pas moins que d'un changement dans le ministère. Ces bruits vous sônt injurieux; vous pourrez et conserver Mr. Gross, qui vous est agréable, et parer les coups, qu'on veut vous porter, en vous déclarant tout le premier pour le projet de soutenir le parti affaibli de la Russie en Pologne et en apportant des ordres tout dressés pour Mr Gross

d'intimider de la façon la plus efficace ceux qui cherchent à y perdre les amis de la Russie. Votre zèle et votre promptitude peuvent seuls leur ôter cette occasion de vous nuire, dont ils se croient sûrs. V. E. peut croire qu'il ne faut pas moins que le danger pressant, dans lequel l'on vous met, pour me pousser à vous hazarder des conseils que mon âge par le peu d'expérience en comparaison de la votre pourrait faire croire téméraires, si l'amitié la plus sincère, jointe à la reconnaissance, que je vous dois ne me les inspiraient. Je vous supplie instamment d'y avoir égard et je suis d'autant plus fâchée de la façon dont V. E. a reçu ce que je voulais Lui dire hier uniquement pour son bien que je viens d'apprendre que l'ambassade du comte votre frère est résolue par S. M.; je crois donc qu'il ne vous reste plus qu'à faire ce que mon amitié, et certainement pas ceux que vous croyez, vous conseille. J'ai oublié encore hier de dire à V. E. qu'ils prétendent savoir que le comte de Brühl se vante d'être sûr de V. E. et qu'en recevant je ne sais quel écrit très fort d'ici il y a un an, il doit avoir dit: tout cela n'est encore rien, j'ai des assurances du contraire dans ma poche, qu'il les a même montré et que c'est sur cela qu'il a opprimé nos amis en Pologne encore plus, au lieu d'avoir égards à la recommandation de la Russie. C'est avec peine que je répète des contes aussi injurieux à V. E.; mais ce me serait un crime de les savoir, sans les épancher dans vos mains; puisse le Ciel confondre vos ennemis et vous montrer la sincérité de la considération que j'ai pour V. E."

Не имѣвъ возможности высказать Вашему Превосходительству всего вчера, рѣшаюсь сегодня писать Вамъ: я считаю важнымъ предупредить Васъ, что я узнала изъ вѣрнаго источника о существованіи плана, который долженъ вскорѣ быть приведенъ въ исполненіе, дѣйствовать въ дѣлахъ Польши рѣшительно противъ графа Брюля: въ Польшу хотятъ назначить посланникомъ графа, Вашего брата, которому будетъ приказано разстроить козни тѣхъ лицъ, кои стараются уничтожить тамъ русскую партію; Ваши враги дошли до обвиненія Васъ въ томъ, что Вы пренебрегаете интересами Россіи въ сосѣднемъ съ нами королевствѣ, гдѣ намъ такъ важно сохранить нашу партію. Ваше Превосходительство напрасно стали бы противиться этому плану; они угрожаютъ Вамъ, и Вамъ грозитъ опасность даже въ томъ случаѣ, если Вы будете дѣйствовать хладнокровно. Мое дружеское расположеніе къ Вамъ заставляетъ меня волноваться за Васъ; дѣло идетъ ни болѣе, ни менѣе какъ о перемѣнѣ министерства. Эти слухи оскорбительны для Васъ; Вы

могли бы сохранить г. Гросса, который Вамъ пріятель, и отразить ударъ, который Вамъ хотятъ нанести, если бы Вы первый заявили о своемъ намѣреніи поддержать въ Польшѣ ослабленную русскую партію и привезли бы г. Гроссу совершенно опредѣленное приказаніе застрашать тѣхъ, кто старается погубить тамъ друзей Россіи. Только усердіе и быстрота, съ какими Вы будете дѣйствовать, могутъ лишить ихъ этого случая повредить Вамъ, на что они рассчитываютъ навѣрняка. Ваше Превосходительство повѣрите, что только крайняя опасность, въ которую Васъ хотятъ повергнуть, побуждаетъ меня дать Вамъ совѣты, которые въ моемъ возрастѣ, при ничтожной сравнительно съ Вами опытности, могли бы показаться слишкомъ смѣлыми, если бы они не были внушены самой искренней пріязнью и признательностью къ Вамъ. Умоляю Васъ принять это во вниманіе; мнѣ особенно прискорбно, что Ваше Превосходительство приняли такимъ образомъ то, что я хотѣла сказать Вамъ вчера, единственно ради Вашего блага, такъ какъ я узнала сейчасъ о томъ, что назначеніе посломъ графа, Вашего брата, рѣшено Ея Величествомъ; поэтому я полагаю, что Вамъ остается только сдѣлать то, что я совѣтую Вамъ изъ дружескаго расположенія, а отнюдь не то, что совѣтуютъ лица, коимъ Вы довѣряете. Я позабыла еще вчера сказать В. Пр., что они утверждаютъ, будто графъ Брюль похваляется тѣмъ, что онъ увѣренъ въ В. Пр. и что получивъ, годъ тому назадъ, какое-то очень рѣзкое письмо отсюда, онъ будто бы сказалъ: все это еще не бѣда, у меня въ карманѣ удостовѣренія въ противномъ; и будто бы онъ даже показалъ ихъ и на этомъ основаніи еще больше сталъ притѣснять нашихъ друзей въ Польшѣ, вмѣсто того, чтобы принять во вниманіе просьбу Россіи. Мнѣ прискорбно повторять столь обидныя для В. Пр.—ва розказни, но зная ихъ, съ моей стороны было бы преступно не сообщить ихъ Вамъ; да смутить Господь Вашихъ враговъ и докажетъ искренность моего уваженія къ В. Пр“.

Но канцлеръ, какъ видно изъ нижеприведеннаго его отвѣта, отлично угадалъ и происхожденіе и характеръ письма Великой Княгини:

„Les avis que V. A. I. a daigné me faire parvenir me sont tels que considérant simplement les gracieuses intentions et motifs, auxquelles Elle a bien voulu les attribuer Elle même, je ne puis, qu'en être pénétré de la plus vive reconnaissance et jusqu'au fond de l'âme. Je ne trouve pas des termes qui répondissent à mon gré aux plus humbles et respectueux remerciements,

que je Lui en dois et que je Lui conserverai toute ma vie, aussi supplie je V. A. I. d'être bien persuadée que loin de manquer aux justes égards que méritent des conseils si respectables, je continuerai à porter toute mon attention contre les embuches, que mes ennemis persistent à dresser contre moi. Qu'il me soit cependant gracieusement permis, Madame, de Vous assurer, 1°, que ce n'est pas d'aujourd'hui, mais déjà depuis plusieurs ans, et au delà, et nommément depuis l'époque où le vice-chancelier et le maître de cérémonies ont commencé une correspondance secrète avec mon frère, que j'ai été foncièrement instruit de ces mêmes accusations, et noires calomnies, que l'on veut me mettre à dos; 2°, que j'ai l'honneur de vous protester sur mon honneur et ma conscience, que bien loin d'avoir à me reprocher la moindre chose par rapport aux affaires de Pologne, soit en négligeant nos amis, soit autrement, j'ai plutôt la consolation de pouvoir démontrer le contraire par des preuves réelles, claires et nettes. 3°, que quand aux indignes calomnies et contrevérités que l'on forge pour donner de la couleur aux accusations, en y mêlant le comte de Brühl et ses prétendus discours, accoutumé, comme je ne le suis déjà que trop, à me voir en butte à ces sortes d'artifices, je me mettrai au dessus, tant que je suis intérieurement certain de leur fausseté et tant que je puis me flatter que S. M., trop juste et trop magnanime, ne voudra me condamner sans m'entendre. Enfin ma conscience nette et la fermeté seront, comme elles ont été, les seules armes, que je leur opposerai. Je n'ignore pas, Madame, que le vice-chancelier avec le maître de cérémonies ont été après, depuis 3 mois à dresser dans le collège une représentation sur les affaires de Pologne, sans avoir songé encore au principal objet de pareille représentation, savoir, un plan et un système fixe, de ce qui conviendrait aux intérêts de la Russie dans la dissension générale qui règne en Pologne, et sans savoir encore et connaître assez à fond les vrais amis de la Russie ou ceux qui se donnent seulement pour tels, afin d'obtenir par là leurs vues particulières et la famille (?) dans ce royaume. Cette représentation enfin n'a pour pivot que le dessein de procurer l'ambassade pour ce pays à mon frère. J'ignore toutefois, et j'oserais même douter que S. M. eût effectivement résolue cette ambassade, malgré ce que la clique de ceux qui la souhaitent, peuvent croire ou débiter d'avance là-dessus, uniquement puisqu' 1) ils ne voyent plus d'autre jour à se délivrer

1) Такъ расшифровано это мѣсто въ Дрезденѣ.

des importunités de mon frère, qui par là même leur pèse sur les bras, et par ce que ces gens se sentent présentement soutenus et appuyés du chambellan Schuwaloff le Grand, ils croient déjà l'avoir emporté; si S. M. le sent, Elle est assurément la Souveraine Maîtresse, et il est de mon devoir alors de me régler là-dessus avec obéissance, selon le proverbe hollandais: volg ordre en doe quaad; mais il ne sera pas moins indispensablement de mon devoir et de ma charge dans ce cas là d'en faire sentir, dès que S. M. n'en parle, avec vérité et fermeté les inconvénients, les difficultés, le peu de profit, et le danger de prendre de fausses mesures, pour que je n'aie rien à me reprocher par suite. Ce n'est pas la conservation de Gross à Dresde, ni l'effet de quelque autre passion d'inimitié, de haine, ou d'animosité, qui me fait envisager la mission projetée de mon frère en Pologne de la façon que je fais; non, je puis en vérité assurer V. A. I. du contraire. Si je ne voulais y voir que mon intérêt, je devrais en être plutôt extrêmement satisfait, vu qu'elle éloignerait un frère qui, oubliant les liens naturels du sang, agit, comme le plus déterminé de mes ennemis contre moi; je le répète, se sont des raisons plus solides et valables qui doivent même faire appréhender, que mon frère sera plus propre à nous brouiller tout à la fois avec la République, avec laquelle, soit dit par parenthèse, nous ne sommes pas encore convenus ni du titre Impérial, ni du cérémoniel, ni de la réciprocité d'une ambassade,— et la cour de Saxe, tout comme il a manqué de nous brouiller avec celle de Vienne ¹⁾). Si après tout j'oserais encore demander une grâce à V. A. I. qui mettrait le comble à tant d'autres autérieures, et qui surtout me servirait infiniment à parer les coups, médités contre moi, ce serait, qu'Elle voulût daigner me f. connaître les canaux, par où ces insinuations peuvent avoir découlé jusqu'à V. A.; peut-être ont elles été faites exprès pour l'allarmer, et cela sur certains soupçons de ce que je pourrais avoir le bonheur de n'être pas mal dans son esprit, et dans la supposition, que si par Vos gracieusens bontés il en revînt quelque chose à moi, cela seul suffirait à me faire changer d'avis, au point de faire tout ce que ces gens-là souhaitent, d'autant plus qu'il y a des bruits sourds que l'on tâche d'établir, de fortifier et d'empoisonner (?) selon que je le sais de très bonne part sur l'accueil gracieux dont V. A. I. a honoré l'ambas-

¹⁾ Въ 1752 году.

sadeur d'Angleterre, ce qui n'a pas laissé de donner occasion à glosser aux courtisans spéculatifs et à faire débiter sous main, comme si je me servais de cet ambassadeur auprès de V. A. I. pour Lui faire parvenir toute sorte d'impressions. J'ai d'ailleurs lieu de supposer par quelques traits assez marqués des insinuations, faites à V. A. I., qu'outre que le maître de cérémonies, le vice-chancelier, mon frère et leur appui, le chambellan Schuwalow, constituent la véritable source, le chevalier Williams et son ami et cavalier d'ambassade Polonais y peuvent avoir bonne part par des discours trop hazardés et legers sur les affaires de Pologne". (Дрезденскій Главн. Госуд. Архивъ. loc. 3033).

„Свѣдѣнія, которыя в. и. в. благоволили сообщить мнѣ, таковы, что, принимая во вниманіе только одни милостивыя намѣренія и побужденія, кои в. в. благоугодно было самимъ объяснить ихъ, я не могу не быть, до глубины души, проникнутымъ за это самой живѣйшей благодарностью къ в. в. Я не нахожу словъ высказать, какъ мнѣ того бы хотѣлось, мою покорную и почтительнѣйшую признательность за это в. в., которая не изсякнетъ до конца моей жизни, поэтому я молю в. и. в. вѣрить тому, что я не только отношусь съ должнымъ уваженіемъ къ столь почтеннымъ совѣтамъ, но я отнесусь и со всевозможнымъ вниманіемъ и къ тѣмъ кознямъ, которыя мои враги такъ упорно строятъ противъ меня. Я прошу однако милостиваго позволенія в. в. высказать вамъ: 1) что я давно уже подробно освѣдомленъ объ этихъ обвиненіяхъ и о гнусной клеветѣ, которую хотятъ взвести на меня, я узналъ объ этомъ не теперь, а нѣсколько лѣтъ назадъ, а именно въ то время, когда вице-канцлеръ и церемоніймейстеръ завели тайную переписку съ моимъ братомъ; 2) что я могу завѣрить васъ, что мнѣ не только не въ чемъ упрекнуть себя въ отношеніи дѣлъ польскихъ, какъ-то въ нерадѣніи о нашихъ друзьяхъ, въ чемъ-либо иномъ, но я скорѣе могу, въ утѣшеніе свое, подтвердить противное самыми ясными, вѣскими и опредѣленными доказательствами; 3) что касается гнусной клеветы и неправды, которыя измышляютъ съ цѣлью придать обвиненіямъ извѣстную окраску, замѣшавъ въ нихъ графа Брюля и его мнимыя рѣчи, то, привыкнувъ уже въ достаточной степени къ коварнымъ проискамъ, я буду стоять выше ихъ, поскольку я убѣжденъ въ ихъ лживости и насколько я льщу себя надеждою, что в. в. слишкомъ справедливы и слишкомъ великодушны, чтобы вы захотѣли осудить меня, не выслушавъ меня. Наконецъ, чистая совѣсть и твердость по-прежнему будутъ единственнымъ орудіемъ, которое я имъ противопоставлю.

Мнѣ небезъизвѣстно, в. в., что вице-канцлеръ и церемоніймейстеръ были заняты послѣдніе 3 мѣсяца составленіемъ въ коллегіи доклада о дѣлахъ польскихъ, не обсудивъ предварительно главнаго предмета доклада, т. е. извѣстнаго плана и опредѣленной системы дѣйствій, которыя соответствовали бы интересамъ Россіи при царствующей въ Польшѣ усобицѣ и не зная еще и не выяснивъ обстоятельно, кто именно истинный другъ Россіи и кто только выдаетъ себя за такового съ цѣлью достигнуть этимъ своихъ личныхъ или фамилныхъ видовъ въ этомъ королевствѣ. Докладъ этотъ явно кмѣетъ цѣлью лишь доставить моему брату посольство въ эту страну. Впрочемъ, я не знаю еще, рѣшенъ ли е. в. въ самомъ дѣлѣ вопросъ объ этомъ назначеніи; смѣю даже сомнѣваться въ этомъ, что бы ни думала и ни разглагольствовала объ томъ заблаговременно клика, желающая этого назначенія только потому, что эти лица не видятъ иного средства отдѣлаться отъ докучливыхъ приставаній моего брата, который связалъ ихъ по рукамъ и потому, что, чувствуя поддержку и опору въ камергерѣ Шуваловѣ старшемъ, они полагаютъ, что они уже взяли верхъ; ежели в. в. это чувствуете, то вы конечно вольны приказывать; и мой долгъ, въ такомъ случаѣ, покорно сообразовать съ этимъ свои поступки по голландской пословицѣ: *volg ordge en doe quaad*; тѣмъ не менѣе, долгъ и служебное положеніе повелѣваютъ мнѣ въ данномъ случаѣ, какъ только е. в. заговоритъ со мною, объ этомъ дать почувствовать ей твердо и правдиво, какія неудобства, трудности, невзгоды и опасности могутъ произойти отъ ошибочно принятыхъ мѣръ, дабы мнѣ не въ чемъ было упрекать себя впослѣдствіи. Честью могу завѣрить в. в., что не оставленіе Гросса въ Дрезденѣ, и не вліяніе какой-либо другой страсти: злобы, вражды или ненависти заставляютъ меня смотрѣть на предполагаемое назначеніе моего брата въ Польшу съ той точки зрѣнія, какъ я смотрю на это. Если бы я руководствовался въ данномъ случаѣ исключительно своими интересами, мнѣ слѣдовало бы, скорѣе, быть этимъ весьма довольнымъ, ибо такимъ образомъ былъ бы удаленъ братъ, который, позабывъ естественныя узы кровнаго родства, дѣйствуетъ противъ меня какъ самый отъявленный мой врагъ; повторяю, есть болѣе вѣскія и законныя причины, которыя заставляютъ меня опасаться, что мой братъ способенъ скорѣе посорить насъ одновременно съ республикой, съ которой, кстати сказать, мы еще не пришли къ соглашенію ни относительно императорскаго титула, ни относительно церемоніала, ни относительно обмѣны посольствами—и съ Саксонскимъ дворомъ, точно также, какъ онъ едва не посорилъ насъ съ Вѣнскимъ дворомъ (въ 1752 г.). Послѣ всего сказаннаго, я осмѣлюсь еще просить у в. висо-

чества одной милости, которая довершила бы всё предыдущія, и которая, въ особенности, дала бы мнѣ возможность отпарировать направленные противъ меня удары, а именно, чтобы в. в. соблагОВОЛИЛИ открыть мнѣ, откуда и какими путями, эти инсинуаціи могли дойти до в. в.; быть можетъ, это сдѣлано умышленно, съ цѣлью поселить въ васъ тревогу, въ предположеніи, что я быть можетъ имѣю счастье пользоваться вашимъ благоволеніемъ, и въ надеждѣ, что если, благодаря вашему милостивому отношенію, кое-что изъ этихъ намековъ дойдетъ до меня, то этого будетъ достаточно, чтобы заставить меня измѣнить мнѣніе до такой степени, что я сдѣлаю все, что хотятъ эти люди, тѣмъ болѣе, что ходятъ тайные слухи, которые, какъ мнѣ извѣстно изъ очень важнаго источника, нѣкоторые стараются упрочить и извратить, о милостивомъ приѣмѣ, коимъ в. и. в. удостоили англійскаго посланника, что дало наблюдательнымъ царедворцамъ поводъ злословить и передавать по секрету, будто бы я стараюсь при посредствѣ этого посланника сообщить вамъ самыя разнообразныя впечатлѣнія. При томъ я имѣю поводъ предполагать, основываясь на довольно ясныхъ намекахъ, сдѣланныхъ в. и. в., что не только церемоніймейстеръ, вице-канцлеръ, мой братъ и камергеръ Шуваловъ, на котораго они опираются, являются истиннымъ источникомъ этихъ слуховъ, но что въ нихъ немалую долю участія имѣютъ и кавалеръ Уиліамсъ и его другъ, кавалеръ польскаго посольства, своими слишкомъ рискованными и легкомысленными рѣчами относительно польскихъ дѣлъ (Дрезденскій Главн. Госуд. Архивъ loc. 3033)“.

Преемникъ Функа, секретарь посольства Прассе, замѣчаетъ въ депешѣ 22 марта (н. ст.) по поводу этой переписки „Williams mag sich vorgestellt haben, den Grosskanzler durch die von der Grossfürstin an diesen zu geschehende insinuationes von grosser Gefahr für seine Person so gleich auf einmal intimidiren und seine Abrichten durchzusetzen“, (А. Д. loc. 3034).

„Виліамсъ, кажется, вообразилъ себѣ, что ему удастся одновременно запутать канцлера намеками, которые могли быть переданы ему великой княгиней о грозящей ему лично большой опасности, и проникнуть его намѣренія“, (тамъ же loc. 3034),—но потерпѣлъ полную неудачу. Какъ ни глубоко понимала Екатерина необходимость постояннаго русскаго вмѣшательства въ дѣла Польши, но въ придворной интригѣ она не могла еще одолѣть опытнаго партнера, какимъ былъ Бестужевъ.

Брюль еще разъ, на нѣсколько мѣсяцевъ, освободился отъ русскаго заступничества за Чарторыйскихъ, но бѣдный, скромный Функъ, безцѣнный органъ связи между нимъ и Бестужевымъ, знавшій „всю подноготную“ въ Петербургѣ, получилъ по прояскамъ фаворитовъ *consilium abeundi*. Русскій канцлеръ въ награду за разныя услуги удостоился въ октябрѣ 1756 г. со стороны Августа III подарка, 10.000 червонцевъ.

Февральская записка Екатерины Алексѣевны, какъ правильно указалъ В. А. Бильбасовъ (изд. Штура, т. I, стр. 321) является первымъ по счету политическимъ письмомъ Великой Княгини. Но почтенный историкъ Екатерины имѣлъ довольно смутное понятіе объ этомъ документѣ. Во-первыхъ, онъ перепечаталъ изъ *Politische Correspondenz Friedrichs des Grossen*, XII, 305, не „копію“, а только краткое резюме письма. Во-вторыхъ, не зная подробно тогдашнихъ польскихъ дѣлъ, не понялъ смысла обращенія Екатерины къ Бестужеву и даже не подозрѣвалъ существованія отвѣта. Въ-третьихъ, не зналъ Бильбасовъ и того, что если резюме попало изъ Берлинскаго тайнаго архива въ *Politische Correspondenz*, то это объясняется вовсе не передачей секретнаго „билета“ Брюлемъ пруссаку Мальцану, немыслимой при тогдашнихъ саксонско-прусскихъ отношеніяхъ, а систематической кражей документовъ, производившейся въ Дрезденскомъ кабинетѣ секретаремъ Менцелемъ, подкупленнымъ, какъ извѣстно, Фридрихомъ Великимъ при посредствѣ Мальцана. Точно такъ же поясненіе, будто „въ это время Брюль дѣйствовалъ заодно съ французскимъ посланникомъ (!) Дюраномъ и секретаремъ прусскаго посольства Бенуа, то есть противъ русскихъ интересовъ и могъ, конечно, только похвалиться, что „Бестужевъ въ его рукахъ“,—не выдерживаетъ критики¹⁾.

* * *

Письмо Императрицы къ барону Остену, переѣхавшему въ маѣ 1761 г. изъ Петербурга на постъ посланника при Варшавскомъ дворѣ, приложено въ копіи при денешѣ послѣдняго отъ 9 іюня (н. ст.) 1762 г. Уже изъ этого обстоятельства можно заключить, что оно написано не позже послѣднихъ чиселъ мая. Такъ какъ оно упоминаетъ о войнѣ съ Австріей какъ о дѣлѣ рѣшенномъ—о которомъ Мерси Аржанто узналъ отъ канцлера Воронцова 15/26 мая—

¹⁾ Относительно подробностей см. *Polska w dobie Wojny Siedmioletniej*, глава I и III.

то моментъ возникновенія письма можно фиксировать съ достаточной точностью, для того чтобы судить по его содержанию о подготовкѣ авторши къ событіямъ 28/9 іюня. Заключая въ себѣ обзоръ важнѣйшихъ фактовъ съ половины апрѣля, оно ясно само по себѣ и послѣ труда Бильбасова не требуетъ никакихъ разъясненій.

„Je vous mande que ma situation était telle que le seul soupçon d'une correspondance illicite me perdrait. On a tramé des choses horribles contre moi. Le père et l'oncle de Mademoiselle de Woronzow avaient projeté de m'enfermer et de la mettre à ma place, l'Empereur lui-même s'y opposa, disant qu'il avait oublié le passé, qu'il ne pouvait se plaindre du présent et qu'il verrait comment je me conduirais. Le vrai est que l'amour extrême de la nation pour moi, et qui est monté à un degré qui m'étonne moi-même, les fait trembler. On n'ose rien entreprendre contre moi, et assurément, qui que ce soit ne le ferait pas impunément. Il ne tiendrait qu'à moi de faire bien des choses, mais vous savez les raisons qui me font répugner les moyens violents. Il n'y a de propositions qu'on ne m'ait faites. Le mécontentement est grand et s'accroît journellement, aussi les folies augmentent et sont à présent publiques. On a vraiment de l'aigreur contre lui: il est insupportable à ceux même qu'il comble de bienfaits. Puis, imaginez vous qu'il dit à tout le monde que le Roi de Prusse est son maître et qu'il n'a qu'à lui ordonner pour qu'il obéisse et fasse tout ce qu'il voudra! C'est le discours qu'il tient à toute heure ajoutant qu'il aime mieux sa charge de lieutenant-général que celle d'empereur. Il ne quitte plus le cordon jaune et ne porte jamais celui de Saint André ne fait pas un signe de prix à l'Église, offense tous les prêtres, la religion et la nation. Enfin, personne ne se donna jamais plus de peine pour être hais et il y réussit au de là de l'expression. Il n'y a que le mépris pour lui qui surpasse cette haine. Je n'amplifie rien, ce sont des gémissements publics, on parle sur ce ton tout haut. Vous verrez que cela aura des suites, je ne ménage rien, la fermentation s'accroît. Il veut faire en personne la guerre aux Danois, nous la croyons sûre ici. Je lui demandai, quelle raison il avait pour faire la guerre à l'Impératrice-Reine? Il m'a répondu que la raison était son traité avec le Roi de Prusse. Mr de Keith me nuit tant qu'il peut et tient de moi les discours les moins respectueux. J'ai fait demander au Roi de la Grande Bretagne, si c'est par son ordre; si non, qu'il lui impose silence. Cet homme me guérit de ma prédilection pour sa nation:

je n'ai pas mérité un pareil traitement de lui. Le Roi de Prusse me caresse beaucoup et parle de moi avec beaucoup de considération: enfin, il prend ses précautions. On dit que malgré les folies de l'Empereur pour lui il s'en moque et l'appelle son chevalier errant. Mademoiselle de Woronzow chancelle, nous lui trouvons tous les jours de nouvelles rivales. L'Empereur dit Souvent du chancelier qu'il est vendu à Vienne et à (Versailles) ¹⁾, jugez, s'il a grand crédit; sa femme fait la maquerelle de sa fille et de sa nièce les autres vieilles l'enhaïssent à cause du cordon (de Sainte Catherine). Tout cela n'est que mieux pour nous; enfin de tout le bien qui se fait, je me réjouis, puisque j'aime le bien public, et tout le mal qu'on fait, je tourne à mon avantage. Ma situation est donc malheureuse. Mon oncle est honnet homme et peu de chose et tout neuf dans ce pays-ci: ma tante prude et dévote, mène son mari qui la craint, elle en est jalouse, quoique en vérité, il n'est pas d'une figure qui inspire tendresse. Munich, tout guetré en habit à crochet et perruque bouclée à l'age de 80 ans, n'a eu du crédit que trois jours, malgré son éminent mérite; par malheur, il a parlé raison, il ne radote point, il est fraix et gaillard, il a vraiment une grande âme. Malgré ce que j'ai dit et représenté en faveur de Biron, on vient de lui faire de nouveau la seconde disgrâce: il a été obligé de renoncer au Duché et quoique ce soit en faveur de mon oncle, je ne trouve pas l'action moins injuste. Biron a de l'esprit, la conversation agréable, mais un mauvais coeur et beaucoup de farouche dans les yeux. Le Hetman est fort bien avec l'Empereur, mais il n'a pas sa confiance; le chambellan Schouwalow, Glebow, Melgounow ont tout le crédit“.

„Сообщаю Вамъ, что мое положеніе таково, что одно подозрѣніе въ тайной перепискѣ можетъ погубить меня. Противъ меня замышляютъ ужасныя вещи. Отецъ и дядя г-жи Воронцовой замышляли заточить меня и посадить ее на мое мѣсто. Императоръ самъ воспротивился этому, сказавъ, что онъ забылъ прошлое, что онъ не можетъ пожаловаться на настоящее, и что онъ посмотритъ, какъ я буду вести себя. Дѣло въ томъ, что горячая любовь ко мнѣ народа, доходящая до такой степени, что это удивляетъ меня самое, заставляеть ихъ трепетать. Противъ меня ничего не смѣютъ предпринять, и несомнѣнно, что это не прошло бы никому безна-

¹⁾ Въмѣсто этого слова въ копіи Копенгагенскаго архива пробѣль.

казанно. Отъ меня зависитъ сдѣлать многое, но вамъ извѣстны причины, по которымъ мнѣ было бы противно прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Мнѣ дѣлали самыя разнообразныя предложенія. Недовольство велико и растетъ съ каждымъ днемъ, да и сумасбродства растутъ и дѣлаются нынѣ публично. Противъ него дѣйствительно озлоблены: онъ не сносенъ даже тѣмъ, коихъ онъ осыпаетъ благодареніями. Затѣмъ, представьте себѣ, онъ говоритъ всѣмъ, что король прусскій его глава, что стоитъ ему приказать, онъ повируется и сдѣлаетъ все, что онъ захочетъ! Тому подобныя рѣчи онъ держитъ ежечасно, присовокупляя, что онъ предпочитаетъ свои генераль-лейтенантскія обязанности императорскимъ. Онъ не снимаетъ съ себя желтой ленты и никогда не носитъ Андреевской, не крестится въ церкви, оскорбляетъ священниковъ, религію и народъ. Словомъ, никто не дѣлалъ столько, чтобы возбудить къ себѣ ненависть, и это ему удается сверхъ мѣры. Эту ненависть превосходить только презрѣніе, съ какимъ къ нему относятся. Я ничего не преувеличиваю, всѣ громко стонутъ и говорятъ въ этомъ духѣ во всеуслышаніе; увидите, какія это будетъ имѣть послѣдствія, я никого не щажу, броженіе усиливается. Онъ хочетъ самолично вести войну съ Даніей; мы увѣрены здѣсь въ томъ, что война будетъ. Я спросила его, какой поводъ онъ имѣетъ воевать съ императрицей-королевой? Онъ отвѣчалъ, что поводомъ къ тому служить трактатъ, заключенный имъ съ королемъ прусскимъ. Г. Кэйтъ вредитъ мнѣ, насколько можетъ, и отзывается обо мнѣ самымъ непочтительнымъ образомъ. Я приказала спросить короля Великобританскаго, дѣлается ли по его приказанію, и если нѣтъ, то чтобы онъ велѣлъ ему замолчать. Этотъ человѣкъ излечитъ меня отъ моего пристрастія къ его націи: я не заслужила съ его стороны подобнаго отношенія. Король прусскій очень льститъ мнѣ и отзывается обо мнѣ съ большимъ почтеніемъ: словомъ, онъ принимаетъ предосторожности. Говорятъ, будто, не взирая на всѣ сумасбродства Императора по отношенію къ нему, онъ смѣется надъ нимъ и называетъ его своимъ странствующимъ рыцаремъ. Положеніе г-жи Воронцовой колеблется, мы находимъ ей каждый день новыхъ соперницъ. Императоръ часто говоритъ о канцлерѣ, что онъ продался Вѣнѣ и (Версалию); судите поэтому, велико ли его значеніе, его жена сводничаетъ для своей дочери и племянницы; прочія старухи ненавидятъ ее за ленту (орденъ св. Екатерины). Все это какъ нельзя лучше для насъ; все добро, которое дѣлается, меня радуетъ, такъ какъ я дорожу благомъ общества, а все зло, какое дѣлаютъ, я стараюсь обратить въ свою пользу. Итакъ мое положеніе самое прискорбное. Мой дядя человѣкъ честный, но безъ вліянія и еще со-

всѣмъ новичекъ здѣсь; моя тетушка жеманница и ханжа, вертитъ мужемъ, который боится ее; она ревнуетъ его, хотя, по правдѣ сказать, его наружность не можетъ внушить любви. Минихъ всегда въ кафтанѣ, щиблетахъ и завитомъ парикѣ, несмотря на свои 80 лѣтъ; не взирая на его выдающіяся достоинства, онъ пользовался вліяніемъ не болѣе трехъ дней. Къ несчастію, онъ говорилъ разумно, не болталъ вздора, онъ добръ и веселъ, у него въ самомъ дѣлѣ великая душа. Несмотря на все то, что я говорила и доказывала въ пользу Бирона, онъ еще разъ подвергся опалѣ: ему пришлось отказаться отъ герцогства и хотя это сдѣлано въ пользу моего дяди, но я нахожу, тѣмъ не менѣе, этотъ актъ несправедливымъ. Биронъ уменъ, его рѣчь увлекательна, но у него не доброе сердце и суровый взглядъ! Гетманъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Императоромъ, но не пользуется его довѣріемъ; полнымъ довѣріемъ пользуются камергеръ Шуваловъ, Глѣбовъ и Мельгуновъ“.

Владиславъ Конопчинскій.

